

А.А. Крушинский
Институт Китая и современной Азии РАН

**Спиринский путеводный луч света
 в темном царстве эрзац-перевода**

Аннотация. Идентифицируется такой частный, но любопытный случай синологической логореи, как получившая широкое распространение в научных и околонучных кругах перестроечной и постперестроечной России (преимущественно коммерческая) практика «перевода» уже многократно переведенных на русский язык философских текстов Древнего Китая. В качестве демонстрационного примера выбран наиболее пострадавший от импотентных переводческих домогательств «Канон о *Дао* и *Дэ*».

Как известно, нейросетевая симуляция вербального творчества обнаруживает себя, с одной стороны, пространными разглагольствованиями (в нашем случае это могут быть, напр., увязания в нескончаемых филологических тривиальностях, а также нагромождение непроходимых завалов «историографического» трэша, преподносимых в качестве неотъемлемых атрибутов академической учености), а с другой — игнорированием субстантивных аспектов, действительно релевантных обсуждаемой теме. Например, в одном из таких симулятивных «переводов» *Даодэцзиня* ключевой вопрос (так все-таки, о каких двух/ о какой двоице «сходных по происхождению, но различающихся по имени» идет речь в самом конце первой главы этого важнейшего памятника древнекитайской философской мысли?) остается не то, что без ответа, но даже без упоминания.

По мнению автора предлагаемых тезисов, лишь прорывные текстологические прозрения В.С. Спирина способны не только подсказать единственно правильный ответ на вышеозначенный непростой вопрос, но и наметить пути избавления от засилия эрзац-переводов (в том числе и компьютерно-генерированных).

Ключевые слова: синологическая логорея, древнекитайская философская классика, «Канон о *Дао* и *Дэ*», компьютерная пародия на перевод.

Andrey. A. Krushinskiy
**Institute of China and contemporary Asia
 of the Russian Academy of Sciences**

**Spirin's guiding ray of light
 in the dark kingdom of ersatz translation**

Abstract. Such a particular but curious case of sinological logorrhea is identified as the (mainly commercial) practice of “translating” the philosophical texts of Ancient China that have already been repeatedly translated into Russian, which

has become widespread in scientific and pseudo-scientific circles of perestroika and post-perestroika Russia. The Canon of Tao and Te, which suffered the most from impotent translation harassment, was chosen as a demonstration example.

As is known, a neural network simulation of verbal creativity reveals itself, on the one hand, with lengthy rantings (in our case, this could be, for example, getting bogged down in endless philological trivialities, as well as a pile-up of impenetrable rubble of “historiographical” trash, presented as integral attributes of academic scholarship), and on the other hand, by ignoring substantive aspects that are truly relevant to the topic under discussion. For example, in one of these simulated “translations” of the Daodejing, the key question (after all, which two “similar in origin, but different in name” is discussed at the very end of the first chapter of this most important monument of ancient Chinese philosophical thought?) remains not only unanswered, but even without mention.

According to the author of the proposed theses, only the breakthrough textual insights of V.S. Spirin are able to not only suggest the only correct answer to the above-mentioned difficult question, but also outline ways to get rid of the dominance of ersatz translations (including computer-generated ones).

Keywords: sinological logorrhea, ancient Chinese philosophical classics, “The Canon of Tao and Te”, computer parody of the translation.

Погружаясь в пышное многоцветье современных русскоязычных переводов китайской классики, восхищенный читатель словно попадает в школу чародейства и волшебства Хогвартса, чья неподражаемая учебная программа включает в себя, как известно, «защиту от темных искусств» (ср. китайские боевые искусства), «зельеваренье» (китайская алхимия), «уход за магическими животными» (драконоведение) и т.п.

К вящей радости любителя китайской экзотики, чарующий мир волшебной сказки с ее бесами, лисами-оборотнями и монахами-чародеями не расстанется с ним даже при обращении к, казалось бы, гораздо более серьезному жанру — я имею в виду без усталости переводимую на русский язык (уже многократно переведенную) древнекитайскую **философскую** классику.

Вообще говоря, перевод — это по определению не более чем **тень** пересказываемого оригинала. Но в российском случае эта переводческая тень за счет своих поразительных поэтических достоинств подчас способна оттеснить на второй план безнадежно проигрывающий ей в художественном отношении невзрачно прозаичный китайский оригинал.

Понятно, что художественная ценность едва ли может служить решающим критерием оценки перевода — особенно если речь заходит о «строго научных», тем паче, «академических» (если верить трогательно скромным самоаттестациям) переводческих опусах. Но все же, нельзя не огорчиться, когда у ревнителей академизма на смену захватывающей

напряженности поэтического нарратива приходит удручающее уныние докучной сказки про белого бычка.

Хуже того, при ближайшем рассмотрении выясняется, что один такой эксклюзивно «научный» как бы перевод уже самой первой главы *Даодэцзина* (знаменитейшего памятника древнекитайской философской мысли, пожалуй, в наибольшей степени пострадавшего от назойливых переводческих домогательств) не дотягивает даже до статуса нарратива — выстраиваемые им ряды фраз ну никак не складываются в повествование. Забавным образом, резюмирующая концовка (玄之又玄，眾妙之門) под пером донельзя академичного как бы переводчика, счастливо зажила свою собственную жизнь, без малейшей оглядки на начало той самой главы, которую она, вроде бы, была призвана подытоживать. Вот уж воистину, «пушка сама по себе, а mortar — сама по себе». Подобные перлы наводят на ужасные подозрения — а вдруг вся эта отмеченная характерно чатбовой пустопорожностью русскоязычная версия начальной главы *Лао-цзы* (соответственно, и **всего** «Канона о Дао и Дэ») представляет собой не более чем прелестный образчик нейросетевого компилятивного «творчества» (вполне посильного для, напр., GPT-3)?

Но если мы и в правду имеем здесь дело лишь с компьютерной пародией на перевод, то придется с печалью констатировать достижение еще одного знаменательного рубежа на бесславном пути деградации жанра и без того почти убитого рыночными поделками в гламурном стиле чайна-лайт. Перед лицом столь впечатляющего регресса отечественной переводческой рецепции философского наследия Древнего Китая остается уповать разве что на спиринский путеводный луч, всеконечно ведущий нас к спасительному выходу из темного царства как бы перевода.